

Записки маркёра. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://to1stoyleo.ru/> приятного чтения!

Записки маркёра. Лев Николаевич Толстой

Рассказ

Так часу в третьем было дело. Играли господа: гость большой (так его наши прозвали), князь был (что с ним все ездит), усатый барин тоже был, гусар маленький, Оливер, что в актерах был, Пан были. Народу было порядочно.

Гость большой с князем играли. Только вот я себе с машинкой круг бильярда похаживаю, считаю: девять и сорок восемь, двенадцать и сорок восемь. Известно, наша дело маркёрское: у тебя еще во рту куска не было, и не спал-то ты две ночи, а все знай покрикивай да шары вынимай. Считаю себе, смотрю: новый барин какой-то в дверь вошел, посмотрел, да и сел на диванчик. Хорошо.

«Кто, мол, это такой будет? из каких то есть», – думаю про себя.

Одет чисто, уж так чисто, что как с иголки все платье на нем: брюки триковые, клетчатые, сюртучок модный, коротенький, жилет плюшевый и цепь золотая, а на ней всякие штучки висят.

Одет чисто, а уж из себя еще того чище: тонкий, высокий, волоса завиты наперед, по-модному, и с лица белый, румяный, – ну, сказать, молодец.

Оно известно, наше дело такое, что народу всякого видим: и самого что ни есть важного и дряни-то много бывает, так все хотя и маркёл, а к людям приноровишься, то есть в том разе, что в политике-то кое-что смыслишь.

Посмотрел я на барина, – вижу, сидит тихо, ни с кем не знаком, и платье-то на нем новехонько; думаю себе: али из иностранцев, англичан будет, али из графов каких приезжих. И даром что молодой, вид имеет в себе. Подле него Оливер сидел, так посторонился даже.

Кончили партию. Большой проиграл, кричит на меня:

– Ты, – говорит, – все врешь: не так считаешь, по сторонам смотришь.

Бранится, кий шваркнул и ушел. Вот поди ты! По вечерам с князем по пятидесяти целковых партию играют, а тут бутылку макону проиграл и сам не в себе. Уж такой характер! Другой раз до двух часов играют с князем, денег в лузу не кладут, и уж знаю, денег нет ни у того, ни у другого, а все форсят.

– Идет, – говорит, – от двадцати пяти угол?

– Идет!

Зевни только али шара не так поставь – ведь не каменный человек! – так еще норовит в морду заехать.

– Не на щепки, – говорит, – играют, а на деньги.

Уж этот пуще всех меня донимает. Ну, хорошо. Только князь и говорит новому барину-то, как большой ушел:

– Не угодно ли, – говорит, – со мной сыграть?

– С удовольствием, – говорит.

Сидел он, так таким фоханом смотрит, что ну! Куражный то есть из себя; ну, а как встал, подошел к бильярду, и не то: заробел. Заробел не заробел, а видно, что уж но в своем духе. В платье, что ли, в новом неловко, али боится, что смотрят все на него, только уж форцу того нет. Ходит боком как-то, карманом за лузы цепляет, станет кий мелить – мел уронит. Где бы и сделал шара, так все оглядывается да краснеет. Не то, что князь: тот уж привык – намелит, намелит себе руку, рукава засучит, да как пойдет садить, так лузы трещат, даром что маленький.

Сыграли две ли три партии, уж не помню, князь кий положил, говорит:

– Позвольте узнать, как ваша фамилия?

– Нехлюдов, – говорит.

– Ваш, – говорит, – батюшка корпусом командовал?

– Да, – говорит,

Тут по-французски что-то часто заговорили; уж я не понял. Должно, все родство вспоминали.

– А ревуар [1], – говорит князь, – очень рад с вами познакомиться.

Вымыл руки и ушел кушать; а тот стоит с кием у бильярда, шарики поталкивает.

Наше дело, известно, с новым человеком что грубей быть, то лучше: я взял шары, да и собираю. Он покраснел, говорит:

– Можно еще сыграть?

– Известно, – говорю, – на то бильярд стоит, чтоб играть. – А сам на него не смотрю, кии уставляю.

– Хочешь со мной играть?

– Извольте, – говорю, – сударь!

Шары поставил.

– На пролаз угодно?

– Что такое значит, – говорит, – на пролаз?

– Да так, – я говорю, – вы мне полтинничек, а я под бильярд пролезу.

Известно, ничего не видавши, чудно ему показалось, смеется.

– Давай, – говорит.

Хорошо. Я говорю:

– Мне вперед сколько пожалуете?

– Разве, – говорит, – ты хуже меня играешь?

– Как можно, – я говорю, – у нас против вас игроков мало.

Стали играть. Уж он и точно думает, что мастер: стучит так, что беда; а Пан сидит да все приговаривает:

– Вот так шар! вот так удар!

А какой!.. ударишка точно был, да расчету ничего не знает. Ну, как водится, проиграл я первую партию: полез, кряхчу. Тут Оливер, Пан с местов пососкочили, киями стучат.

– Славно! Еще, – говорят, – еще!

А уж чего «еще»! Особенно Пан-то за полтинник рад бы не то под бильярд, под Синий мост пролезть. А то туда же, кричит:

– Славно, – говорит, – пыль не всю еще вытер.

Петрушка-маркёл, я чай, всем известен. Тюрин был да Петрушка-маркёл.

Только игры, известно, не открыл; проиграл другую.

– Мне, – говорю, – с вами, сударь, так и так не сыграть.

Смеется. Потом как выиграл я три партии – у них сорок девять было, у меня никого, – я положил кий на бильярд, говорю:

– Угодно, барин, на всю?

– Как на всю? – говорит.

– Либо три рубля за вами, либо ничего, – говорю.

– Как, – говорит, – разве я с тобой на деньги играю? Дурак!

Покраснел даже. Хорошо. Проиграл он партию.

– Довольно, – говорит.

Достал бумажник, новенький такой, в аглицком магазине куплен, открыл, уж я вижу, пофорсить хотел. Полнехонек денег, да все сторублевые.

– Нет, – говорит, – тут мелочи нет.

Достал из кошелька три рубля.

– Тебе, – говорит, – два, да за партии, а остальное возьми на водку.

Благодарю, мол, покорно. Вижу, барин славный! Для такого можно полазить. Одно жаль: на деньги не хочет играть; а то, думаю, уж я бы изловчился: глядишь, рублей двадцать, а то и сорок потянул бы.

Как Пан увидел деньги у молодого барина-то: «Не угодно ли, говорит, со мной партийку? Вы так отлично играете». Такой лисой подъехал. «Нет, говорит, извините: мне некогда». И ушел.

И черт его знает, кто он такой был, Пан этот. Прозвал его кто-то Паном, так и пошло. День-деньской, бывало, сидит в бильярдной, все смотрит. Уж его и били-то, и ругали, и в игру ни в какую не принимали, все сидит себе, принесет трубку и курит. Да уж и играл чисто... бестия!

Хорошо. Пришел Нехлюдов в другой раз, в третий, стал часто ходить. И утром и вечером, бывало, ходит. В три шара, алагер, пирамидку – все узнал. Смелей стал, познакомился со всеми и играть стал порядочно. Известно, человек молодой, большой фамилии, с деньгами, так уважал каждый. Только с одним с гостем с большим раз как-то повздорил.

И из-за пустяков дело вышло.

Играли алагер князь, гость большой, Нехлюдов, Оливер и еще кто-то. Нехлюдов стоит около печки, говорит с кем-то, а большому играть, – он же крепко выпимши был в тот раз. Только шар его и придишь как раз против самой печки: тесненько там, да и любит он размахнуться.

Вот он, не видал, что ли, Нехлюдова, али нарочито, как размахнется в шара, да Нехлюдова в грудь турником ка-ак стукнет! Охнул даже сердечный. Так что ж? Нет того, чтоб извиниться – грубый такой! пошел себе дальше, на него и не посмотрел; да еще бормочет: «Чего, говорит, тут суются? От этого шара не сделал. Разве нет места?»

Тот подошел к нему, побледнел весь, а говорит как ни в чем не был, учтиво так:

– Вы бы прежде, сударь, должны извиниться: вы меня толкнули, – говорит.

– Не до извинений мне теперь: я бы, – говорит, – должен выиграть, а теперь, – говорит, – вот моего шара сделают.

Тот ему опять говорит:

– Вы должны, – говорит, – извиниться.

– Убирайтесь вы, – говорит. – Вот пристал! – А сам все на своего шара смотрит. Нехлюдов подошел к нему еще ближе да за руку его.

– Вы невежа, – говорит, – милостивый государь!

Даром что тоненький, молоденький, как девушка красная, а какой задорный: глазенки горят, вот так съест его хочет. Большой-то гость мужчина здоровый, высокий – куда Нехлюдову!

– Что-о? – говорит, – я невежа!

Да как закричит, да как замахнется на него. Тут подскочили, кто был, за руки их поймали обоих, растащили. Тары да бары, Нехлюдов говорит:

– Пусть он мне удовлетворенье даст, он меня оскорбил, дескать, – то есть дуэль хотел с ним иметь. Известно, господа: уж у них такое заведение... нельзя!.. ну, одно слово, господа!

– Никакого, – говорит, – удовлетворения знать не хочу! Он мальчишка, больше ничего. Я его за уши выдеру.

– Ежели вы, – говорит, – не хотите драться, так вы не благородный человек.

А сам чуть не плачет.

– А ты, – говорит, – мальчишка: я от тебя ничем не обижусь.

Ну, развели их, как водится, по разным комнатам. Нехлюдов с князем дружны были.

– Поди, – говорит, – ради бога, уговори его, чтобы он, то есть, на дуэль согласие сделал. Он, – говорит, – пьян был; может, он опомнится. Нельзя, – говорит, – этому так кончиться.

Пошел князь. Большой говорит:

– Я, – говорит, – и на дуэли, и на войне дрался. Не стану, – говорит, – с мальчишкой драться. Не хочу, да и шабаш.

Что ж, поговорили, поговорили, да и замолчали; только гость большой перестал к нам ездить.

Насчет этого, то есть конфузу, какой петушок был, амбиционный был... то есть Нехлюдов-то... а уж что касается чего другого прочего, так вовсе не смыслил. Помню раз.

– Кто у тебя здесь есть? – говорит князь Нехлюдову-то.

– Никого, – говорит.

– Как же, – говорит, – никого?

– Зачем? – говорит.

– Как зачем?

– Я, – говорит, – до сих пор так жил, так отчего же нельзя?

– Как: так жил? Не может быть!

И заливается-хохочет, и усатый барин тоже хохочет. Совсем на смех подняли.

– Так никогда? – говорят.

– Никогда.

Помирают со смеху. Я, известно, сейчас понял, что они так над ним смеются.

Смотрю: что, мол, будет из него?

– Поедем, – говорит князь, – сейчас.

– Нет, ни за что! – говорит.

– Ну, полно! Это смешно, – говорит. – Выпей для куражу, да и поедем.

Принес я им бутылку шампанского. Выпили, повезли молодчика.

Приехали часу в первом. Сели ужинать, и собралось их много, что ни есть самые лучшие господа: Атанов, князь Разин, граф Шустах, Мирцов, И все Нехлюдова поздравляют, смеются. Меня позвали. Вижу – веселы порядочно.

– Поздравляй, – говорят, – барина.

– С чем? – говорю.

Как бишь он сказал? с посвящением ли, с просвещением ли, не помню уж хорошенько.

– Честь имею, – говорю, – поздравить.

А он красный сидит; улыбается только. То-то смеху-то было!

Хорошо. Приходят потом в бильярдную, веселы все, а уж Нехлюдов на себя не похож; глаза посоловели, губами водит, икает все и уж слова не может сказать хорошенько. Известно, ничего не видавши, его и сшибло. Подошел он к бильярду, облокотился, да и говорит:

– Вам, – говорит, – смешно, а мне грустно. Зачем, – говорит, – я это сделал; и тебе, – говорит, – князь, и себе в жизнь свою этого не прощу.

Да как зальется, заплачет. Известно, выпил: сам не знает, что говорит. Подошел к нему князь, улыбается сам.

– Полно, – говорит, – пустяки! Поедем домой, Анатолий.

– Никуда, – говорит, – не поеду. Зачем я это сделал?

А сам-то заливается. Нейдет от бильярда, да и шаш. Что значит человек молодой, непривычный.

Таким-то родом ездил он к нам часто. Приезжают раз с князем и с усатым господином, который все с князем ходил. Из чиновников или из отставных каких он был, бог его знает, только Федоткой его все господа звали. Скуластый, дурной такой, а ходил чисто и в карете ездил. За что его господа так любили, бог их ведает, Федотка, Федотка, а глядишь – его и кормят, и поят, и деньги за него платят. Да уж и шельма же был! проиграет – не платит; а выиграет, так небось! уж его и ругали-то, и бил в глазах моих гость большой, и на дуэль вызывал... все с князем под ручку ходит.

– Ты, – говорит, – пропадешь без меня. Я Федот, – говорит, – да не тот.

Шутник такой! Ну, ладно. Приехали, говорят:

– Давай алагер втроем составим.

– Давай, – говорит.

Стали играть по три рубля ставку. Нехлюдов с князем тары да бары.

– Ты, – говорит, – посмотри, какая у нее ножка. Нет, – говорит, – что ножка! у нее коса, – говорит, – хороша.

Известно, на игру не смотрят; только всё промеж себя разговаривают. А Федотка свое дело помнит: знай с накатцем сыграет, а те промах али вовсе на себя. И зашиб по шести рублей с брата. С князем-то у них бог знает какие счета были, никогда друг другу денег не платили, а Нехлюдов достал две зелененьких, подает

ему.

– Нет, – говорит, – я не хочу с тебя денег брать. Давай простую сыграем: китудубль то есть: либо вдвое, либо ничья.

Поставил я шаров. Федотка вперед взял, и стали играть. Нехлюдов-то бьет, чтоб пофорсить; другой раз на партии стоит: нет, говорит, не хочу, легко, мол, слишком; а Федотка свое дело не забывает, знай себе подбирает. Известно, игру скрыл, да как будто невзначай и выиграл партию.

– Давай, – говорит, – еще на все.

– Давай.

Опять выиграл.

– С пустяков, – говорит, – началось. Я не хочу у тебя много выигрывать. Идет на все?

– Идет.

Оно как бы ни было, пятидесяти-то рублей жалко. Уж Нехлюдов просит: «Давай на всю». Пошла да пошла, дальше да больше, двести восемьдесят рублей на него и набил. Федотка сноровку знает: простую проиграет, а угол выиграет. А князь сидит, видит, что дело всерьез пошло.

– Асе [2], – говорит, – асе.

Какой! всё куш прибавляют.

Наконец тому дело вышло, за Нехлюдовым пятьсот с чем-то рублей. Федотка кий положил, говорит:

– Не довольно ли? Я устал, – говорит.

А сам до зари готов играть, только б денежки были... политика, известно. Тому еще пуще хочется: давай да давай.

– Нет, – говорит, – ей-богу, устал. Пойдем, – говорит, – наверх; там реванш возьмешь.

А наверху у нас в карты играли господа. Сначала преферансик, а там глядишь – любишь не любишь пойдет.

Вот с того самого числа так его Федотка окрутил, что начал он к нам каждый день ездить. Сыграет партию-другую, да и наверх, да и наверх.

Уж что там у них бывало, бог их знает; только что совсем другой человек стал, и с Федоткой все пошло заодно. Прежде, бывало, модный, чистенький, завитой, а нынче только с утра еще в настоящем виде; а как наверху побывал, придет взъерошенный, сюртук в пуху, в мелу, руки грязные.

Раз таким манером приходит оттуда с князем, бледный, губы трясутся, и спорит что-то.

– Я, мол, не позволю ему говорить мне (как бишь он сказал?)... что я не великатын, что ли, и что он моих карт не будет бить. Я, – говорит, – ему десять тысяч заплатил, так он мог бы при других-то быть осторожнее.

– Ну, полно, – говорит князь, – стоит ли на Федотку сердиться?

– Нет, – говорит, – я этого так не оставляю.

– Перестань, – говорит, – как можно до того унижаться, что с Федоткой иметь историю!

– Да ведь тут были посторонние.

Записки маркёра. Лев Николаевич Толстой to1stoy1eo.ru

– Что ж, – говорит, – посторонние? Ну хочешь, я его сейчас заставлю у тебя прощения просить?

– Нет, – говорит.

И забормотали что-то по-французски, уж я не понял. Что ж? тот же вечер с Федоткой вместе ужинали, и опять дружба пошла.

Хорошо. Придет другой раз один.

– Что, – говорит, – хорошо я играю?

Наше дело, известно: потрафлять каждому надо; скажешь: хорошо, – а какой хорошо! стучит дуром, а расчету ничего нет. И с того самого время, как с Федоткой связался, все на деньги играть стал. Прежде не любил ни на что – ни на кушанье, ни па шампанское. Бывало, князь скажет:

– Давай на бутылку шампанского.

– Нет, – говорит, – я лучше так велю принести... Ген! Дай бутылку.

А нынче все на интерес стал играть. Ходит, бывало, день-деньской у нас, или с кем в бильярд играет, или наверх пойдет. Я себе и думаю: что же другим, а не мне все будет доставаться?

– Что, – говорю, – сударь, со мной давно не играли?

Вот и стали играть.

Как набил я на него полтинников десять, – на квит, говорю, хотите, сударь?

Молчит. Не то что прежде дурака сказал. Вот и стали играть на квит да на квит. Я на него рублей восемьдесят и набил. Так что ж? Каждый день со мной играть стал. Того и ждет, бывало, чтобы не было никого, а то, известно, при других стыдно ему с маркёлом играть. Раз как-то погорячился он, а рублей уж за ним с шестьдесят было.

– Хочешь, – говорит, – на все?

– Идет, – говорю.

Выиграл я.

– Сто двадцать на сто на двадцать?

– Идет, – говорю.

Опять выиграл.

– Двести сорок на двести на сорок?

– Не много ли будет? – говорю.

Молчит. Стали играть: опять моя партия.

– Четыреста восемьдесят на четыреста на восемьдесят?

Я говорю:

– Что ж, сударь, мне вас обижать. Сто-то рубликов пожалуйста; а то пусть так будут.

Так он как крикнет! А ведь какой тихий был.

– Я, – говорит, – тебя исколочу. Играй или не играй.

Ну, вижу, делать нечего.

– Триста восемьдесят, – говорю, – извольте.

Известно, хотел проиграть.

Дал я сорок вперед. У него пятьдесят два было, у меня тридцать шесть. Стал он желтого резать, да и положи на себя восемнадцать очков, а мой – на перекате стоял.

Ударил я так, чтоб выскочил шар. Не тут-то было, он дуплетом и упади. Опять моя партия.

– Послушай, – говорит, – Петр (Петрушкой не назвал), я тебе сейчас не могу отдать всех, а через два месяца хоть три тысячи могу заплатить.

А сам весь кра-асный стал, дрожит ажно голос у него.

– Хорошо, – говорю, – сударь.

Да и поставил кий. Он походил, походил, пот так с него и льет.

– Петр, – говорит, – давай на все.

А сам чуть не плачет.

Я говорю:

– Что, сударь, играть!

– Ну, давай, пожалуйста.

И сам кий мне подает. Я взял кий да шары на бильярд так шваркнул, что на пол полетели: известно, нельзя не пофорсить; говорю:

– Давай, сударь!

А уж он так заторопил, что сам шар поднял. Думаю себе: «Не получить мне семисот рублей; все равно проиграю». Стал нарочно играть. Так что же?

– Зачем, – говорит, – нарочно дурно играешь?

А у самого руки дрожат; а как шар к лузе бежит, так пальцы растарачит, рот скривит да все к лузе и головой-то и руками тянет. Уж я говорю:

– Этим не поможешь, сударь.

Хорошо. Как выиграл он эту партию, я говорю:

– Сто восемьдесят рубликов за вами будет да полтора ста партий; а я, мол, ужинать пойду.

Поставил кий и ушел.

Сел я себе за столик против двери, а сам смотрю: что, мол, из него будет? Так что ж? Походит, походит – чай, думает: никто на него не глядит – да за волосы себя как дернет, и опять ходит, бормочет все что-то, да опять как дернет.

После того дней с восемь не видать его было. Пришел в столовую раз, угрюмый такой, и в бильярдную не зашел, Увидал его князь.

– Пойдем, – говорит, – сыграем.

– Нет, – говорит, – я больше играть не буду.

– Да полно! пойдем.

– Нет, – говорит, – не пойду. Тебе, – говорит, – добра не сделает, что я пойду, а мне дурно от этого будет,

Записки маркёра. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru

Так и не ходил дней с десять еще, а потом на праздниках как-то заехал, во фраке, видно, в гостях был, и целый день пробыл: все играл; на другой день приехал, на третий... Пошло по-старому. Хотел я было с ним еще поиграть, так нет, говорит: с тобой играть не стану, А сто восемьдесят рублей, что я тебе должен, приди ко мне через месяц: получишь.

Хорошо. Пришел к нему через месяц.

– Ей-богу, – говорит, – нет, а в четверг приди.

Пришел я в четверг. Славную такую квартиру занимал.

– Что, – говорю, – дома?

– Почивает, – говорят.

Хорошо, подожду.

Камердин у него из своих был – старичок такой седенький, простой, ничего политики не знал. Вот и поразговорились мы с ним.

– Что, – говорит, – мы тут живем с баринном! Совсем замотались, и никакой им ни чести, ни пользы нет от Петербургу от этого. Из деревни ехали, думали: будем как при покойнике барине, царство небесное, по князьям, но графам да по генералам ездить; думали: возьмем себе какую из графинь кралю, с приданым, да и заживем по-дворянски; а выходит на поверку, что мы только по трактирам бегаем – совсем плохо! Княгиня-то Ртищева ведь нам тетка родная, а князь Воротынцев тятенька хресный. Что ж? только на рождество был раз, да и носу не кажет. Уж ихние люди и то смеются мне: что, мол, ваш барин-то, видно, не в папеньку пошел. Я раз и говорю ему: «Что, сударь, к тетеньке не изволите ездить? Они скучают, что вас давно не видали». – «Скучно, говорит, там, Демьяныч!»

Поди ты! только и веселья нашел, что в трактире. Хотя бы служил, что ли, а то нет: занялся картами да прочим, а уж евши дела никогда к добру не поведут... Э-эх! пропадаем мы, так, ни за грош пропадаем!.. У нас от барыни-покойницы, царство небесное, богатейшее имение осталось: тысяча душ с лишком, тысяч на триста лесу было. Все заложил теперь, лес продал, мужичков разорил, и все нет ничего. Без господина, известно, управляющий сам больше господина... дерет с мужика последнюю шкуру, да и шабаш. Ему что? набить бы только карман, а там хоть с голоду все помирай. Намедни пришли два мужичка, жалобы принесли от всей вотчины. «Разорил, говорят, вконец мужиков». Что ж? прочитал жалобы, дал по десяти рублей мужичкам. «Я, говорит, сам скоро буду. Получу деньги, говорит, расплачусь, тогда уеду».

А где расплатиться, когда мы всё долги делаем! Ведь много ли, мало ли, тут зиму прожили, тысяч восемьдесят спустили; а теперь в доме рубля серебром нету! А все от добродетели своей. Уж такой простой барин, что и сказать нельзя. От этого самого и пропадает, так вот ни за что пропадает.

И сам чуть не плачет, старик-то. Такой старик смешной.

Проснулся часу в одиннадцатом, позвал меня.

– Не прислали, – говорит, – денег, только я не виноват. Затвори, – говорит, – дверь.

Я затворил.

– Вот, – говорит, – возьми часы или булавку бриллиантовую и заложу их. Тебе, – говорит, – за них больше ста восьмидесяти рублей дадут, а когда я получу деньги, то выкуплю, – говорит.

– Что ж, – я говорю, – сударь, коли денег у вас нет, нечего делать: пожалуйста хоть часы. Я для вас могу уважить.

А сам вижу, что часы рублей триста стоят. Хорошо. Заложил я часы за сто рублей, а записку ему принес.

– Восемьдесят, – говорю, – рублей за вами будут; а часы сами извольте выкупить.

Так и по сие время восемьдесят рублей моих денег за ним осталось.

Таким-то родом стал он к нам опять каждый день ходить. Уж не знаю, какие у них промеж себя расчеты были, только всё вместе с князем езжали. Или с Федоткой наверх пойдут играть. И тоже какие-то у них втроем мудреные счета были: тот тому дает, тот тому дает; а кто кому должен, не разберешь никак.

И бывал он таким манером у нас два года, почитай что каждый день, только вид уж свой потерял: бойкой стал и другой раз до того доходил, что у меня по целковому занимал извозчику отдать; а по сту рублей с князем партию играли.

Скучный, худой, желтый стал. Приедет, бывало, абсенту сейчас рюмочку велит подать, канапе закусит да портвейном запьет; ну, и повеселей как будто.

Приезжает раз перед обедом, на масленице дело было, и стал с каким-то гусаром играть.

– Хотите, – говорит, – заинтересовать партию?

– Извольте, – говорит. – На что?

– Бутылку Клодвужо, хотите?

– Идет.

Хорошо. Гусар выиграл, и пошли кушать. Сели за стол; только Нехлюдов и говорит:

– Симон! бутылку Клодвужо; да смотри, согреть хорошенько.

Симон ушел, приносит кушанье, бутылки нет.

– Что ж, – говорит, – вино?

Симон побежал, приносит жаркое.

– Подавай же вино, – говорит.

Симон молчит.

– Что ты, с ума сошел! мы уж кончаем обедать, а вина нет. Кто ж его пьет с десертом?

Побежал Симон.

– Хозяин, – говорит, – вас просит.

Покраснел весь, выскочил из-за стола.

– Что, – говорит, – ему надо?

А хозяин стоит у двери.

– Я, – говорит, – не могу вам больше верить, коли вы мне по счету не заплатите.

– Да я, – говорит, – вам сказал, что я в первых числах отдам.

– Как вам угодно, – говорит, – будет; а я в долг не могу беспрестанно давать и ничего не получать. У меня и так, – говорит, – десятки тысяч в долгах пропадают.

– Ну, полно, моншер [3], – говорит, – уж мне-то можно поверить. Пришлите бутылку, а я постараюсь вам поскорее отдать.

И убежал сам.

– Что это, вас зачем вызывали? – гусар говорит.

– Так, – говорит, – просил меня об одной вещи.

- А славно бы, – говорит гусар, – теперь винца тепленького стакан выпить.
- Simon, что же?!

Побежал мой Simon. Опять нет ни вина, ничего. Плохо. Вышел из-за стола, прибежал ко мне.

- Ради бога, – говорит, – Петруша, дай мне шесть целковых.

А на самом лица нет.

- Нету, – говорю, – сударь, ей-богу, да уж и так за вами моих много.
- я тебе, – говорит, – сорок целковых за шесть через неделю отдам.
- Коли бы были, – говорю, – я бы не смел отказать, а то, ей-ей, нету.

Так что же? выскочил, зубы стиснул, кулаки сжал, как шальной по коридору бегаёт, да по лбу себя как треснет.

- Ах, – говорит, – господи! Что это?

Даже не зашел в столовую, вскочил в карету и ускакал.

То-то смеху было. Гусар говорит:

- Где, мол, барин, что со мной обедал?
- Уехал, – говорят.
- Как уехал? Что ж он сказать велел?
- Ничего, – говорят, – не велели сказывать: сели да и уехали.
- Хорош, – говорит, – гусь!

Ну, думаю себе, теперь долго ездить не будет, после то есть сраму такого. Так нет. На другой день ввечеру приезжает. Пришел в бильярдную и ящик какой-то с собой принес. Снял пальто.

- Давай играть, – говорит. Глядит исподлобья, сердитый такой.

Сыграли партийку.

- Довольно, – говорит, – поди принеси мне перо и бумаги: письмо нужно написать.

Я ничего не думамши, не гадамши, принес бумаги, положил на стол в маленькую комнату.

- Готово, – говорю, – сударь.

Хорошо. Сел за стол. Уж он писал, писал, бормотал все что-то, вскочил потом нахмуренный такой.

- Поди, – говорит, – посмотри, приехала ли моя карета?

Дело в пятницу на масленой было, так никого из гостей не было: все по балам.

Я пошел было узнать о карете, только за дверь вышел.

- Петрушка! Петрушка! – кричит, точно испужался чего.

Я вернулся. Смотрю, он белый, вот как полотно, стоит, на меня смотрит.

- Звать, – говорю, – изволили, сударь?

Молчит.

– Что, – говорю, – вам угодно?

Молчит.

– Ах, да! давай еще играть, – говорит.

Хорошо. Выиграл он партию.

– Что, – говорит, – хорошо я научился играть?

– Да, – я говорю.

– То-то. Поди, – говорит, – теперь узнай, что карета?

А сам по комнате ходит.

Я себе, ничего не думая, вышел на крыльцо: вижу, кареты никакой нет, иду назад.

Только иду назад, слышу, кием ровно стукнул кто-то. Вхожу в бильярдную: пахнет что-то чудно.

Глядь: а он на полу лежит, весь в крови, и пистоль подле брошена. Так я до того испужался, что слова сказать не мог.

А он дрыгнет, дрыгнет ногой, да и потянется, захрапел потом, да и растянулся вот таким родом.

И отчего такой грех с ними случился, что душу свою загубил, то есть бог его знает; только что бумагу эту оставил, да и то я никак не соображу.

Уж чего не делают господа!.. Сказано, господа.. Одно слово – господа.

«Бог дал мне все, что может желать человек: богатство, имя, ум, благородные стремления. Я хотел наслаждаться и затоптал в грязь все, что было во мне хорошего.

Я не обещен, не несчастен, не сделал никакого преступления; но я сделал хуже: я убил свои чувства, свой ум, свою молодость.

Я опутан грязной сетью, из которой не могу выпутаться и к которой не могу привыкнуть. Я беспрестанно падаю, падаю; чувствую свое падение – и не могу остановиться.

Мне легче бы было быть обещенным, несчастным или преступным: тогда было бы какое-то утешительное, угрюмое величие в моем отчаянии. Ежели бы я был обещен, я бы мог подняться выше понятий чести нашего общества и презирать его. Ежели бы я был несчастлив, я бы мог роптать. Ежели бы я сделал преступление, я бы мог раскаянием или наказанием искупить его; но я просто низок, гадок, знаю это – и не могу подняться.

И что погубило меня? Была ли во мне какая-нибудь сильная страсть, которая бы извиняла меня? Нет.

Семерка, туз, шампанское, желтый в середину, мел, серенькие, радужные бумажки, папиросы, продажные женщины – вот мои воспоминания!

Одна ужасная минута забвения, низости, которой я никогда не забуду, заставила меня опомниться. Я ужаснулся, когда увидел, какая неизмеримая пропасть отделяла меня от того, чем я хотел и мог быть. В моем воображении возникли надежды, мечты и думы моей юности.

Где те светлые мысли о жизни, о вечности, о боге, которые с такою ясностью и силой наполняли мою душу? Где беспредметная сила любви, отрадной теплотой согревавшая мое сердце? Где надежда на развитие, сочувствие ко всему прекрасному, любовь к родным, к ближним, к труду, к славе? Где понятие об обязанности?

Записки маркёра. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru

Меня оскорбили – я вызывал на дуэль и думал, что вполне удовлетворил требованиям благородства. Мне нужны были деньги для удовлетворения своих пороков и тщеславия – я разорил тысячи семейств, вверенных мне богом, и сделал это без стыда, – я, который так хорошо понимал эти священные обязанности. Бесчестный человек сказал мне, что у меня нет совести, что я хочу красть, – и я остался его другом, потому что он бесчестный человек и сказал мне, что он не хотел меня обидеть. Мне сказали, что смешно жить скромником, – и я отдал без сожаления цвет своей души – невинность – продажной женщине. Да, никакой убитой части моей души мне так не жалко, как любви, к которой я так был способен. Боже мой! Любил ли хоть один человек так, как я любил, когда еще не знал женщин!

А как я мог быть хорош и счастлив, ежели бы шел по той дороге, которую, вступая в жизнь, открыли мой сверчки ум и детское, истинное чувство! Не раз пробовал я выйти из грязной колеи, по которой шла моя жизнь, на эту светлую дорогу. Я говорил себе: употреблю все, что есть у меня воли, – и не мог. Когда я оставался один, мне становилось неловко и страшно с самим собой. Когда я был с другими, я забывал невольно свои убеждения, не слышал более внутреннего голоса и снова падал.

Наконец я дошел до страшного убеждения, что не могу подняться, перестал думать об этом и хотел забыться; но безнадежное раскаяние еще сильнее тревожило меня. Тогда мне в первый раз пришла страшная для других и отрадная для меня мысль о самоубийстве.

Но и в этом отношении я был низок и подл. Только вчерашняя глупая история с гусаром дала мне довольно решимости, чтобы исполнить свое намерение. Во мне не осталось ничего благородного – одно тщеславие, и из тщеславия я делаю единственный хороший поступок в моей жизни.

Я думал прежде, что близость смерти возвысит мою душу. Я ошибался. Через четверть часа меня не будет, а взгляд мой нисколько не изменился. Я так же вижу, так же слышу, так же думаю; та же странная непоследовательность, шаткость и легкость в мыслях, столь противоположная тому единству и ясности, которые, бог знает зачем, дано воображать человеку. Мысли о том, что будет за гробом и какие толки будут завтра о моей смерти у тетушки Ртищевой, с одинаковой силой представляются моему уму.

Непостижимое создание человек!»

Примечания

1 До свидания (от франц. au revoir).

2 Довольно (от франц. assez).

3 мой дорогой (от франц. mon cher).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://tolstoyleo.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!